

УДК 327(73:510)

«НОВАЯ МОДЕЛЬ ОТНОШЕНИЙ» КНР – США: ПОИСК НА ЭКСПЕРТНОМ УРОВНЕ

© 2015 г. **С.М. Труш***

Статья поступила в редакцию 31.10.2014.

В политологии США и КНР заметно увеличилось число публикаций, ориентированных на формирование «новой модели отношений». Предлагается проводить рабочие встречи лидеров не реже 4 раз в год, изменить формат ежегодного Стратегического и Экономического диалога двух стран, заключить договор о порядке взаимных инвестиций.

Американские эксперты предлагают США взять чёткие обязательства, препятствующие их вовлечению в территориальные конфликты КНР в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. В КНР налицо «государственный заказ» политологам на чёткий позитив в оценке китайско-американских отношений.

Ключевые слова: *китайско-американские отношения, «новая модель отношений», стратегическое недоверие, инвестиции в КНР и США, территориальный конфликты в АТР, отношения в военной сфере.*

В конце 2012 г. в Белом доме и Чжуннаньхае (правительственном комплексе в Пекине), почти одновременно начался новый политический цикл. К власти пришла вторая администрация Обамы и практически новое высшее руководство КПК во главе с Си Цзиньпином. В июне 2013 г., с учётом разумного времени на формирование команд, политическую рекогносцировку и «работу с документами», состоялась знаковая двухдневная встреча Обама – Си в Калифорнии. Встреча без формальной повестки дня, существенная часть которой проходила в формате переговоров «один на один», была задумана для того, чтобы установить личный контакт, «сверить часы», изложить видение каждым лидером узловых проблем и болевых точек американо-китайских отношений. В обширных комментариях прессы проявился главный информационный посыл этой встречи – реальный или пиар-ориентированный – желание Б. Обамы и Си Цзиньпина работать над «новой моделью отношений». Весь прошедший после этой встречи временной этап по линии США – Китай был пронизан этим рефреном – «новая модель отношений».

С точки зрения трезвогосмыслящего политолога-аналитика, эти фигуры речи – «новая модель», «новая стратегия», «новая доктрина» – очень часто

* ТРУШ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3. (zebra758@gmail.com).

представляют собой традиционный информационный эвфемизм, аналитическую «натяжку». Со времён Никсона – Мао Цзэдуна (сорокалетие «исторического визита» Никсона в КНР отмечалось совсем недавно) таких «новых моделей» в летописи двусторонних связей было немало: «права человека» Дж. Картера, «сдерживание и вовлечение У. Клинтона, «Китай как ответственный партнёр-акционер» (*responsible stakeholder*) Дж. Буша-мл., т.е. практически у каждой послениксоновской администрации. Сказывалось привычное, особенно для американской политической традиции, эстрадное «нагнетание воздуха» относительно того, что в линии поведения предыдущего президента не было «стратегии», в том числе и на китайском направлении, законченности, последовательности, чёткости действий, ориентированных на внятный конечный результат. В этом смысле вряд ли стоит воспринимать прозвучавшую на калифорнийской встрече установку двух президентов на «новую модель» как нечто эпохальное.

Тем не менее не стоит впадать и в другую крайность, а именно относиться к прозвучавшей в Калифорнии президентской риторике совсем уничижительно, полностью её игнорировать. При всей доле «политической эстрадности», она не может не нести в себе и определённого смысла, быть ничем не мотивированной. Лидеры двух стран не могут своими действиями и «знаковыми» заявлениями не отражать – гипертрофированно либо более или менее адекватно – те конкретные мотивы и интересы, которые имеют место в их «политиях» относительно друг друга. Иными словами, реальные мотивы для изменения политики, причём изменения кардинального свойства, между Китаем и США, несомненно, присутствуют.

Претензии и мотивы

В чём эти мотивы? Что конкретно не устраивает в нынешних отношениях каждую из двух сторон? Чем больше всего страны недовольны в своём партнёре, какие проблемы считают центральными, наиболее острыми?

Начнём с США. Перечень таких проблем и претензий к КНР достаточно велик:

1. Неконтролируемый, опасный рост военного потенциала. Непрозрачность военных расходов. Неадекватное реальным угрозам наращивание возможностей атаковать США разными элементами своей военной машины. Активный военный и технологический шпионаж КНР против США всеми доступными средствами.

2. Агрессивное, решительное бескомпромиссное поведение в территориальных конфликтах с участием ключевых американских союзников (в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях). Расширительное толкование своих привилегий в эксклюзивной экономической зоне вокруг спорных островов, нарушающее нормы международного права.

3. Откровенное несоблюдение правил экономической игры и «цивилизованной конкуренции»; систематическое, но трудно верифицируемое нарушение норм ВТО; дешёвый юань, субсидирование экспорта, непрозрачность

бизнеса, воровство технологий и интеллектуальной собственности, нещадная эксплуатация людей в условиях авторитарного государства.

4. Продвижение своих геополитических и геоэкономических интересов в различных частях земного шара посредством поддержки всех и всяческих антиамериканских стран, группировок и социальных сил (Иран, Северная Корея, Пакистан, Мьянма, Судан, Афганистан, Венесуэла, Куба, Боливия, отдельные страны Африки).

5. «Ревизионистский», диаметрально противоположный либо существенно отличный от американского подход к ключевым вопросам глобального миропорядка: разоружение, имеющиеся институты мирорегулирования (ООН), экология (Киотский протокол), финансовая архитектура и роль доллара, региональные интеграционные форматы. Список можно продолжить, но основные параметры отмечены.

Что не устраивает Китай в позиции США? Много, но не всё в китайском списке претензий выглядит зеркальным, отражая противоречия и претензии пока бедной в подушевом исчислении «развивающейся» страны, страны, проходящей фазу продвинутой индустриально-постиндустриальной модернизации, страны с огромным населением и несопоставимым с США по длительности и фазам историческим развитием.

1. Превосходящая военная мощь США, способность нанести уничтожающий ядерный удар, разрушив ключевые элементы экономической и военной инфраструктуры и большую долю населения. Подавляющее преимущество в обычных вооружениях, которое, правда, не может считаться фактором «летальности» с учётом численности населения КНР.

2. Экономическое преимущество Соединённых Штатов в совокупности ресурсов, промышленной инфраструктуры, науки и технологий, человеческого потенциала, позволяющее им успешно конкурировать с КНР по многим ключевым направлениям. Принципы организации американской экономики, делающие её труднопроницаемой для китайского бизнеса.

3. Политический опыт и идеологические ценности США: индивидуализм, демократия, принцип разделения властей и их независимость, рассматриваемые политической элитой Китая как опасные для функционирования социально-политической системы КНР.

4. Значительная, а по ряду направлений центральная роль США в институтах миропорядка, в мировой финансовой архитектуре, в ключевых военно-политических блоках, интеграционных и торговых объединениях.

Другая, не менее важная сторона американо-китайских отношений – существенная степень взаимозависимости этих стран и в первую очередь экономик.

Под такой взаимозависимостью обычно понимается состояние и направленность двусторонних экономических отношений, в которых интересы и приоритеты одной из сторон наиболее полно и эффективно реализуются за счёт возможностей, ресурсов и внутренних условий во второй. Так, приоритеты Китая в открытости и плодотворных финансовых вливаниях в свою рабочую силу наиболее полно реализуются при участии американских (в числе других) корпораций, в условиях «заточенности» последних на

наиболее прибыльные и растущие инвестиционные рынки. Интересы американских потребителей на внутреннем рынке США обеспечиваются за счёт конкурентоспособности китайского экспорта. Интересы Китая в максимизации и «обслуживании» своей валютной выручки реализуются в необходимости потребительски ориентированной экономики США обеспечивать непрерывный приток внешних ресурсов на свой финансовый рынок. Отсюда нынешнее место КНР как ведущего торгового партнёра США и ведущего игрока на американском финансовом рынке.

Взаимозависимость Китая и США распространяется практически на все основные формы внешнеэкономических отношений: торговлю, производство, инвестиции, технологический обмен, взаимодействие на финансовых рынках обеих стран. Степень взаимозависимости с Китаем в них (статистически верифицируемый удельный вес экономических игроков и торговых площадок США) относительно других стран неравнозначны.

Торговля – главная, наиболее простая и, если хотите, «первичная» форма экономической взаимозависимости. Статистические показатели масштабной китайско-американской торговли общеизвестны; их динамика впечатляет, пожалуй, как никакая другая динамика двусторонних торговых отношений за последние десятилетия. Помимо стоимостных величин, эта статистика показательна «крутизной» диаграмм роста, тенденциями изменений товарных групп экспорта и импорта, в первую очередь китайского, ростом его «техноёмкости» и «наукоёмкости».

Потребность в «новой модели» отношений обусловлена необходимостью обеих стран с одной стороны, обезопасить себя, купировав неконтролируемый рост противоречий и конфронтационности. С другой стороны, «новая модель» нацелена на поддержание и углубление сложившегося взаимозависимого состояния. Такое состояние, пользуясь словами Маркса, представляет собой естественно-исторический феномен, способствующий социальному и экономическому восхождению обоих обществ.

Более предметно формулируя цели сторон на новом этапе взаимодействия, можно остановиться на следующем.

Во-первых, хотелось бы достигнуть контроля над конфликтностью, выработать «правила игры», кодекс поведения, в рамках которого острые противоречия сторон, особенно в военной, ракетно-ядерной, геополитических сферах не переросли в войну. Переориентирование США на Восточную Азию, рост морской активности КНР, развитие ракетно-ядерного потенциала Народно-освободительной армии Китая (НОАК), планы США по региональной ПРО с участием Японии, Южной Кореи и Австралии, территориальные конфликты в китайских морях, тревожная концентрация ракетных сил КНР в Тайваньском проливе, обострившиеся в последнее время взаимные угрозы киберпространству – все эти и многие другие факторы непредсказуемы с точки зрения последующей эскалации.

Во-вторых, экономическая взаимозависимость, макроэкономическая связка между КНР и США достигли беспрецедентных масштабов. Полутриллионный оборот торговли, роль КНР как ведущего иностранного кредитора госдолга США, переплетение производственных цепочек, международное разделение

труда, активное инвестирование, приобретающее двусторонний характер – все эти параметры отношений не могут дальше развиваться стихийно, бесконтрольно. Они должны каким-то образом регламентироваться.

В-третьих, в последние годы обе стороны делают всё больший акцент на расширении гуманитарного, человеческого аспекта отношений. Глобализация и информатизация, разнообразные связи в экономике идут параллельно с усилением межсоциальных, образовательных, культурных контактов. Расширяя двусторонние человеческие и гуманитарные обмены, оба правительства стремятся повысить уровень доверия, купировать идеологические стереотипы и культурно-ценностные барьеры в общении. Эти барьеры – одна из очевидных непреодоленных пока проблем отношений.

В-четвёртых, оба партнёра, несомненно, хотят усилить глобальное сотрудничество в вопросах нераспространения, экологии, климата, противодействия международному терроризму, энергетической и продовольственной безопасности. В этих сферах существуют не только внутренний запрос и потребности, но и запрос международного сообщества.

При этом «новая модель» понимается, разумеется, не как кодифицированные и институционально поддерживаемые правила поведения. В реальности нынешних связей КНР и США речь скорее идёт о неких новых или обновлённых установках, принципах и критериях внешнеполитического действия, которые, по признанию обоих игроков, в первую очередь отдаляли бы их от взрывоопасной ситуации, т.е. войны.

Двусторонние наработки

Проработка, формулирование этих правил и критериев на экспертном политологическом уровне идёт достаточно активно с обеих сторон. Этот интеллектуальный процесс, разумеется, шёл и до знаковой калифорнийской встречи как в США, так и в КНР. В обеих странах появился ряд фундаментальных и прорывных публикаций на тему будущего и настоящего китайско-американских отношений [7; 8; 9; 10; 12; 13]. В силу того, что речь в них шла о проблемах перспективного, долгосрочного характера, аргументы, оценки и рекомендации этого пласта публикаций могут рассматриваться вкупе и с более поздними работами, вышедшими в последнее время.

Разработке «новой модели» в значительной степени способствуют интенсивные и многоканальные обмены политологических и экспертных кругов США и КНР, сложившаяся разветвлённая сеть таких обменов как на институциональном, так на индивидуальном, личностном уровне. Эксперты-страноведы обеих сторон активно ездят, имеют широкую сеть контактов, интенсивно взаимодействуют с экспертным и медийным сообществами друг друга. Не менее значимую роль имеет и фактор открытости политико-формирующего слоя обеих стран для политико-экспертного сообщества. Эта открытость, интенсивный идейный обмен, кадровая текучесть на уровне государственных и экспертных структур, которая свойственна для американского политического механизма, сильно прогрессировала в аналогичном направлении и в КНР.

Состояние китаеведения и регионоведения в США, влиятельная роль «мозговых трестов» в их внешней политике, достаточно известны российскому читателю. На менее обсуждаемой теме политологического анализа США в Китае целесообразно остановиться поподробнее.

В настоящее время китайская внешнеполитическая мысль характеризуется определённым многообразием исследовательских трактовок основных противоречий, проблем и узловых отношений современного мира, в рамках, а порой и за рамками, доминирующей политико-идеологической парадигмы и картины мира в КНР. Последнее обусловлено некоторым эклектизмом и синтетичностью этой парадигмы, включающей в себя, в числе прочих, марксистские, маоистские, традиционно китайские, наряду с широким репертуаром западных политологических и исторических концептов. В кругу исследователей современной мировой политики в КНР можно выделить такие направления как «государственники», «реалисты», «глобалисты», «либералы», приверженцы приоритета Азии в политике КНР, концепций глобального Юга и ряд других.

Существенную роль в принятии решений по внешней политике имеют различные аналитические центры Пекина и Шанхая: Китайский институт современных международных отношений, аффилированный с Министерством государственной безопасности, Китайский институт международных исследований, аффилированный с МИД КНР, Академия военных наук КНР, которую курируют Центральный военный совет КНР (ЦВС) и Генштаб НОАК. Влиятельным внешнеполитическим центром с выходом на самый верх остаётся Центральная партийная школа при ЦК КПК, в структуре которой имеется авторитетный Центр международных исследований*. Авторитетными аналитическими центрами, особенно в плане перспективных концептуальных разработок считаются центры международных исследований при Пекинском университете и университете Цинхуа.

Влиятельность всех перечисленных центров базируется на ряде ключевых фигур китайской международной аналитики. В их числе: Ван Цзисы, Янь Сюетун, Цзин Цайжун, Шэн Динли, Сюнь Чже, Ян Цзэмян, Юань Мин, Юань Пэн, Пань Вэй, Фэн Юйцзюнь, У Синбо, Чжен Юй, Сюн Гуанкай, Ли Фэнлинь. Будучи аффилированными в ряд открытых и полужакрытых аналитических структур КНР, занимая, как правило, не одну должность в исследовательском кластере по внешней политике эти люди имеют прямой доступ к важнейшим органам принятия перспективных программных решений в области внешней политики КНР в структуре МИД, Госсовета и ЦК КПК. Они же часто выступают консультантами по вопросам отношений с США в рамках рабочих групп по внешнеполитическим и военно-стратегическим вопросам ЦК КПК и Центрального военного совета КПК. Информационную базу данной статьи в плане китайских оценок составляют открытые публикации именно этого круга специалистов.

* Статус Партийной школы подчеркнут тем, что до 2012 г. во главе её по должности находился председатель КПК Ху Цзиньтао. Сейчас её возглавляет член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Лю Юньшань.

Какие новые подходы, наработки «новой модели», новые критерии поведения стран в текущей фазе отношений формулируют в США и Китае?

В этой связи привлекают внимание, в первую очередь, развёрнутые аналитические оценки и рекомендации, предлагаемые авторитетными, сбалансированными, относительно независимыми «мозговыми трестами» обеих стран, обладающими высоким уровнем экспертизы и практического знания предмета.

Сразу после промежуточных выборов в США в начале 2013 г., Брукингский институт, известный своим мощным кадровым составом по китаистике (К. Либертал, Д. Шэмбо, Чен Ли, Р. Буш), выпустил резонансный доклад с характерным названием «Большие ставки и тёмные лошадки. Рекомендации внешнеполитических экспертов Брукингса президенту Б. Обаме».

Название говорит само за себя. Китайской политике, как центральному, если не первостепенному, направлению внешней политики США, в докладе посвящено несколько разделов.

Ключевое место в рекомендациях по Китаю уделено теме купирования военных рисков, повышению прозрачности и предсказуемости позиций сторон. В этой связи авторы доклада в русле «новой модели» предлагают в первую очередь повысить интенсивность диалога Вашингтон – Пекин на высшем уровне. Рабочие саммиты лидеров КНР и США, считают авторы доклада, должны проходить не реже четырёх (!) раз в год, в режиме полноформатной встречи минимум на полдня, а не «на полях» многосторонних встреч, как это происходит сейчас. Это даст возможность лидерам двух стран реально и перманентно держать руку на пульсе узловых проблем, сформирует необходимый уровень «личной связки». Подобная интенсификация саммитов, по мнению авторов доклада, соразмерна высокой значимости китайско-американских отношений. Параллельно с этим эксперты предлагают существенно усилить и интенсифицировать «стратегическую» часть «Стратегического и экономического диалога» (СЭД) – наиболее представительных, межбюрократических китайско-американских переговоров в ежегодном формате. Контакты по «стратегической» части также должна проходить 4 раза в год, с участием первых лиц, либо их заместителей по «направлению» МИД, МО, спецслужб и других профильных ведомств. Как минимум, две из четырёх ежегодных встреч по стратегическому каналу СЭД должны носить «установочно-ориентационный» характер: стороны должны сфокусироваться на базовых оценках и видении стратегической ситуации в Азии – ключевые оценки, основные интересы и «болевы точки», озабоченности, заинтересованности [1, р. 7].

Тема повышения статусности и глубины американо-китайского общения, создание адекватной институциональной основы для стабильности находит позитивный отклик и у китайских партнёров. Они, в частности, стимулируют формирование на двусторонней основе представительной Группы оракулов (*Vision group*), своего рода высшего консультационно-рекомендательного органа двух стран по проблемам «строительства» совместного будущего. По мнению китайских инициаторов этой идеи, такой орган должен состоять из

общественных деятелей и бывших государственных чиновников высокого ранга, обладающих значительным опытом в военно-политической, экономической, гуманитарной сферах, в области бизнеса, а также способных применять свои знания в данных сферах с точки зрения эволюции американо-китайских отношений. Это предложение в числе других было изложено в пространном документе «Сотрудничество США и КНР: ключ к глобальному будущему», подготовленном в мидовском Институте международных исследований КНР [3].

Главный посыл данного документа заключается в объединении усилий КНР и США в борьбе с негативными «мегатрендами» мирового развития – диффузией военной силы и вооружений, волатильностью глобальной экономики, экологическими, климатическими, демографическими вызовами, нехваткой естественных ресурсов, ростом национализма. «Наши разногласия по двусторонним проблемам важны, – отмечают китайские эксперты, – но они не столь значимы для нашей долгосрочной безопасности и процветания, как те вызовы, которые реально и неотвратимо грозят человечеству... И хотя мы твёрдо убеждены, что США и Китай не должны повторять прошлые ошибки конфликтов и столкновений великих держав, нас беспокоит, что рассуждения о “неизбежности” подобных конфликтов становятся весьма популярными, особенно в кругах “реалистов” по обе стороны Тихого океана. Существует большая опасность, что эти рассуждения могут стать самосбывающимся предсказанием» [3, p. 24–25].

Серьёзная и застарелая проблема американо-китайских отношений – слабость и ограниченность двусторонних контактов по военной линии. В этой связи специалисты Института Брукингса рекомендуют привлекать Китай к более широкому спектру совместных с Китаем военных манёвров. Не приглашая КНР совсем к такому виду военного взаимодействия Пентагон даёт китайской стороне ещё один аргумент подозревать Вашингтон в «окружении». Эксперты предлагают, чтобы президент США использовал свои полномочия для расширения числа доступных для Китая военных манёвров [1, p. 14]. В 2014 г. Китай в ограниченном режиме впервые принимал участие в манёврах *RIMPAC (Rim of the Pacific)* – крупнейшие в мире международные военно-морские учения стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Самую острую тему в плане военных рисков представляют территориальные конфликты в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. США действительно опасаются быть вовлечёнными в эти конфликты, оказывая реальную поддержку своим союзникам (Японии, Филиппинам). В контексте «новой модели» американские эксперты предлагают администрации Обамы недвусмысленно «затвердить» перед Китаем следующий подход: США, если они не являются прямым участником конфликта, будут воздерживаться от признания суверенитета каких-либо стран над спорными территориями. Эксперты США также рекомендуют активно поддерживать все форматы коллективных переговоров АСЕАН с Китаем о «правилах поведения» в территориальном споре, чтобы конфликт не разгорался. При этом США должны продолжать демонстрировать свою приверженность принципам мирного разрешения территориальных споров, свободы навигации для США и

других стран и в специальной экономической зоне, свободы разработки морских ресурсов в этих акваториях [1, р. 8].

В подходе ряда американских экспертов проявляется один немаловажный акцент. В США многие считают, что Си Цзиньпин испытывает сильную скованность и не готов к радикальным позитивным шагам навстречу Вашингтону. Эта скованность объясняется турбулентным, весьма напряжённым состоянием китайского общества и политической системы. В Китае налицо явное стремление к кардинальному – разумеется в пределах контроля КПК – реформированию модели экономического развития, политической системы, социально-политической матрицы. Эту турбулентность наглядно продемонстрировал и XVIII съезд КПК, включая его кадрово-аппаратные результаты и последующие внутривнутриполитические процессы в КНР, инициированные новым руководством: дело Бо Силая, широкая внутриэлитная чистка в рамках антикоррупционной кампании, комплекс установок под эгидой «китайской мечты»). Напряжение внутри правящего класса КНР, считают эксперты, весьма высоко. В силу этого Вашингтону следует использовать возможность и определённые преимущества внешнеполитической инициативы: выложить карты перед китайской стороной, вокруг которых, скорее всего, завяжется дипломатический торг.

Американские эксперты полагают, что президент США должен предложить Си Цзиньпину некий «план-перспектива» существенного преобразования двусторонних отношений («новая модель»). Цель – добиться большей предсказуемости, управляемости и институционализированности этих отношений. От Китая при этом ожидают более серьёзной сговорчивости по ряду двусторонних и региональных вопросов, важных для США, включая снижение напряжённости по территориальным конфликтам в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, более продвинутые и содержательные связи по военной линии, предметный диалог по военно-стратегической проблематике в Азии. Кроме того, в экономической сфере США хотели бы добиться большей открытости китайского рынка (прежде всего в сфере услуг – финансовых, консалтинговых, строительных). Ждут от Китая и более активного сотрудничества в области экологии, изменения климата, проблем энергетики и ресурсного голода [1; 3, р. 26].

Хотелось бы отметить, что оценки американских экспертов относительно скованности, пассивности дипломатии Си Цзиньпина вряд ли обоснованы. Взаимосвязь внутренней и внешней политики КНР трактуется ими порой слишком прямолинейно. Действительно, состояние турбулентности и социальное напряжение в китайском обществе по мере накопления негативных социальных диспропорций, в первую очередь в доходах, в последние годы, по всей видимости, усилились. Эти процессы – следствие нарастающей неадекватности политической системы и политических практик в стране задачам восходящего экономического роста, строительству социально-ориентированной экономики. Тем не менее, было бы недальновидно предполагать, что данные обстоятельства существенно сковывают активность внешней политики КНР. Различные интересы, стратегии и дискуссии по вопросам внешней политики и поведения в адрес США в китайском правящем классе,

несомненно, имеют место. Частично о них можно судить и по китайской политологической литературе. Однако активность китайской дипломатии вряд ли существенно скованна вышеозначенными факторами. Следует принимать во внимание относительную независимость – и социальную, и институционально-бюрократическую, и интеллектуальную – сферы внешней политики от других внутренних сфер в КНР. Данный вопрос – тема отдельной дискуссии, но говоря упрощённо, эта независимость в Китае на порядки очевиднее, чем в России, и тем более в США. Это объясняется рядом факторов и обстоятельств, лежащих за пределами проблематики данной статьи.

Внешняя политика КНР с приходом Си Цзиньпина вряд ли проявляет признаки пассивности. Это подтверждают, в частности, резонансные события в сфере военно-политических связей двух стран в конце ноября 2013 г. Тогда Китай объявил о создании «зоны воздушной безопасности» в Восточно-Китайском и Жёлтом морях, «предписав» всем воздушным судам, пересекающим эти зоны, предварительно оповещать наземные службы Китая, сообщать маршрут, курс и график полёта. Несмотря на то, что официальный Токио и Сеул выступили с решительным протестом, частные авиакомпании этих стран в интересах безопасности пассажиров на начальном этапе согласились с выдвинутыми требованиями китайской стороны.

Инициативу, призванную «поставить НОАК на место», взяли на себя США. Два бомбардировщика *B-52* совершили демонстративный пролёт в означенном секторе воздушного пространства КНР без какого-либо оповещения китайской стороны. ВВС НОАК в тот раз оставили этот демарш без ответа. Однако, как отметил китайский эксперт Сунь Чжэ, оценивая этот инцидент, Китай не планирует вести себя в подобной ситуации как «бумажный тигр». Если США осуществят то же самое во второй и в третий раз, Китай будет вынужден ответить. В случае, если Китай ответит только на словах, это будет унижительным» [4].

Другой аргумент. В сентябре 2013 г. Си Цзиньпин выдвинул инициативу экономического «коридора» Шёлкового пути – экономического объединения Китая, стран Центральной Азии и России. Коридор Шёлкового пути отличается от традиционной модели регионального сотрудничества тем, что он не подразумевает учреждения наднациональной управляющей структуры. Кроме того, у инициативы экономической зоны Шёлкового пути нет чётких географических рамок, отправных и конечных пунктов. Эта зона, по замыслу инициаторов, помимо Центральной Азии и России, может быть «растянута» на Западную и Южную Азию, а также на Центральную и Восточную Европу.

Практически одновременно с этим, в ходе визита в Индонезию в 2013 г. Си Цзиньпин озвучил ещё одну стратегическую инициативу – концепцию «Морского шёлкового пути XXI века» (МШП-XXI). По замыслу авторов инициативы, этот морской путь связывал бы Китай с рынками Европы через порты на побережье Индии, Ирана и Аравийского полуострова. Характерно при этом, что в этой зоне МШП-XXI, где у Китая со странами АСЕАН действует зона свободной торговли, ежегодный товарооборот КНР превышает 400 млрд. долларов.

В Китае небезосновательно полагают, что одной из приоритетных задач американской политики так называемого «Поворота к Азии» является «геополитическое окружение» Китая. Ключевым элементом американской военной стратегии в АТР – блокирование жизненно важных морских путей Китая, окружение с моря. Похоже, что реакцией на «Поворот к Азии» как раз и стали две концепции Шелкового пути.

В поиске стратегического доверия

Для экспертных публикаций последних лет характерна тенденция размышлять о двусторонних отношениях в русле «взаимной рефлексии», в жанре диалога внимательно слушающих и не пропускающих ни слова собеседников. Ключевой темой таких рефлексий политологов США и КНР стала тема «преодоления стратегического недоверия», чрезмерной подозрительности и отказа от стереотипного представления стран друг о друге.

Сюжеты такого «преодоленческого» жанра, равно как и время их появления, весьма показательны. Они свидетельствуют о подвижности, интеллектуальной энергетике, отсутствии застоя в экспертном сообществе КНР и США при анализе двусторонних отношений. Понимая «стереотипизированность» и неадекватность многих своих взаимных представлений, китайские и американские собеседники стремятся уточнить границы своего понимания и непонимания. Такой настрой, когда партнёры относятся к событиям двусторонней реальности не как к фактам, скорее, как к своим интерпретациям реальности, присутствует далеко не всегда. Он свидетельствует о наступлении политического момента, который характеризуется продуктивным переосмыслением базовых понятий друг о друге. Подобного рода переосмысление возможно лишь, когда отношения сторон не отягощены чрезмерной конфликтностью. Именно тогда появляется шанс «в спокойной обстановке» расширить и углубить парадигму своего взаимовосприятия, возможность собеседников быть услышанными и понятыми.

В качестве одной из наиболее полных и иллюстративных работ в этом «тандемном» жанре можно выделить исследование «Брукингс» – «Пекинский университет», выполненное двумя признанными в обеих странах экспертами. С китайской стороны, это Ван Цзисы, пожалуй, наиболее именитый, космополитичный и влиятельный китайский политолог-международник, совмещающий ряд постов, ныне декан факультета международных отношений Пекинского университета. С американской – К. Либертал, опытный практик и «академик» – китаевед, ключевой советник по Китаю в СНБ при Клинтоне, автор 24 монографий по китайской и азиатской проблематике.

Ван Цзисы считает, что стратегическое недоверие Китая к США глубоко имплантировано в историю. Он выделяет четыре главных фактора, вызывающих это недоверие:

- 1) трансформация Китая в первое десятилетие 2000-х годов и особенно после 2008 г. в перворазрядную глобальную державу;
- 2) в целом, при сохраняющемся мощном потенциале движение США по нисходящей линии;

3) усиливающийся вызов западному доминированию со стороны растущих держав: Индии, Бразилии, России и ЮАР, которые консолидируются друг с другом и с Китаем;

4) превосходство китайской модели развития на основе централизованного государственного контроля для развивающихся стран, по сравнению с моделью, базирующейся на западной демократии и рыночных принципах [6, р. VIII].

Поскольку считается, что главная цель США – сохранение глобальной гегемонии, Вашингтон стремится затормозить либо воспрепятствовать росту Китая. Продвижение демократии со стороны американцев рассматривается в Китае как подрыв руководящей роли КПК. Попыткам США разделить и ослабить Китай последний противопоставляет активную стратегию по поддержанию внутренней стабильности.

Кроме того, несмотря на улучшившиеся отношения по обе стороны тайваньского пролива и надёжную оборону прибрежных районов, поставки американских вооружений на Тайвань не прекращены. Это обстоятельство рассматривается как серьёзный фактор, подрывающий стратегическое доверие.

Ещё одной причиной стратегического недоверия, по мнению Ван Цзисы, считается также недавний перенос военной и стратегической активности США в Азиатско-Тихоокеанский регион. В экономической области китайцы не принимают использование доллара в качестве мировой валюты и неоправданные протекционистские барьеры на внутреннем рынке США [6, р. 32].

Формулируя американские представления о «зонах недоверия» с Китаем, К. Либертала выделяет три основных источника этого недоверия:

- 1) различие политических традиций, системы ценностей и культур;
- 2) недостаточное и неполное понимание политических процессов друг друга, характера взаимоотношений между правительством и другими субъектами политики;

- 3) представление о том, что разрыв между Китаем и США неизбежно сужается.

По мнению американского политолога, первый из этих факторов преодолеть достаточно трудно, так как он носит исторически-ценностный характер, глубоко имплантирован в политическое сознание и менталитет. Что касается второй и третьей «зоны недоверия», то они несравненно более подвижны и проницаемы для интеллектуального взаимодействия. Работа в этих «зонах недоверия» возможна, более того – необходима, для того чтобы Китай и США воспринимали действия и намерения друг друга реалистично [5].

Американский эксперт также полагает, что с китайской стороны уровень неадекватности и искажений восприятия более выражен. Он предопределён опытом исторических шрамов и полуколониального статуса Китая вплоть до начала второй половины XX века («100 лет унижений»), а также практикой его неравного политического и стратегического положения относительно США в предшествующие политические периоды.

Участвующие в диалоге политологи совместно формулируют предложения по укреплению уровня взаимного доверия. Эти предложения ещё не достигли

уровня чётко сформулированных рекомендаций, тем более планов конкретных действий. По многим позициям участники диалога к единому мнению пока прийти не смогли.

В военной сфере участники дискуссии предлагают поддерживать содержательные и постоянные обмены, которые необходимы в первую очередь для определения того, какой уровень военных сил и средств, с одной стороны, сможет обеспечить базовые интересы безопасности Китая, а с другой – позволит США в полном объёме выполнить свои обязательства перед союзниками в регионе. Эти обмены могли бы привести и к другим конкретным результатам. В частности, в ходе них стороны стали бы более адекватно представлять себе эволюцию обстановки на Корейском полуострове, а также в Тайваньском проливе. Такие контакты могли бы привести к мерам по снижению напряжённости в морских акваториях, прилегающих к территории и территориальным водам КНР. Военный диалог содействовал бы прояснению неясностей и стратегических дилемм, которые отягощают модернизацию сил Китая и США в ядерной и космической областях [5].

В сфере киберпространства стороны считают важным вести диалог и представлять, какие институты, юридические нормы и принципы применяются в каждой из стран в этой области.

Преодоление недоверия в экономике и торговле, по мнению участников дискуссии, потребует следующих мер. С американской стороны: стимулировать китайские инвестиции в реальные сектора экономики США; провести тщательную ревизию американского законодательства и регламентов по экспорту технологий. С китайской стороны: трансформировать некоторые нормы экономического законодательства и хозяйственной практики КНР, с тем чтобы они были понятны для американского бизнеса и инвесторов.

США и Китай, подчеркнули оба участники дискуссии, должны также как можно скорее приступить к переговорам по заключению договора о взаимных инвестициях [5; 6].

Заключение

В США и Китае, преимущественно в экспертно-политологических кругах в последние год-два заметно усилился интеллектуальный процесс осмысления и «планирования» взаимных отношений. Установка двух лидеров на поиски «новой модели», данная своим «политиям» двумя лидерами после встречи в Калифорнии в июне 2013 г., сыграла свою стимулирующую роль. Характерной особенностью этих интеллектуальных усилий было стремление думать и формулировать с учётом двусторонних интересов, в составе двусторонних китайско-американских исследовательских групп, проектов, семинаров. Привлекались лучшие, наиболее опытные и авторитетные эксперты и аналитики обеих стран.

В китайских экспертных кругах наиболее очевидно проявлялся, видимо, имеющий место правительственный «заказ» на разработку позитивных программ и сценариев китайско-американских отношений. Несмотря на существующую и сохраняющуюся в Китае дискуссию между либералами и

«реалистами», экономистами и силовиками по узловым вопросам китайско-американских отношений, ругать США становится политически менее модным, чем искать точки и сферы соприкосновения, проводить историческую работу над ошибками.

Характерно, что сами лидеры обеих стран, Б. Обама и Си Цзиньпин, в отмеченный период придерживались акцентированно позитивного тона в своих высказываниях в адрес друг друга, были подчёркнуто политкорректны, несмотря на достаточное количество поводов выступить с критическими и полемическими заявлениями. В предыдущий отрезок внешнеполитического взаимодействия, полемика на высшем уровне была заметно острее и интенсивнее.

В то же время тема поисков «новой модели» оставалась достаточно аморфной. Несмотря на ряд реалистичных и перспективных предложений с обеих сторон по развязке наиболее острых проблем и узких мест нынешнего этапа (межвоенные отношения, кодекс поведения в территориальных конфликтах, «политическая логистика» взаимного доступа на рынки друг друга), интеллектуальные силы обеих стран, видимо, без очевидной отмашки сверху не смогли поставить и осуществить базовые «переквалификации» друг друга из «соперника/партнёра» в иное, более определённое и продвинутое качество и характеристику в двустороннем взаимодействии. Например охарактеризовать свои связи как отношения «партнёра/соперника» или «партнёра/конкурента» с акцентом на первое слово. Без таких принципиальных квалификационных подвижек, имеющих существенное значение для содержания отношений, разговоры о «новой модели», очевидно, повисают в воздухе, выглядят чисто риторическими упражнениями. Судя по всему, страны ещё не готовы к такой знаковой «переквалификации» восприятия друг друга.

Полемика и интеллектуальный процесс вокруг «новой модели отношений», «преодоления стратегического недоверия» интересны и ещё в одном аспекте. Китайская и американская стратегические культуры, что вполне закономерно, имеют ряд качественных различий, индивидуальных типических черт. Они складывались в разные исторические эпохи и исторические сроки, в условиях обладания разными военными и гражданскими технологиями, в разных геополитических обстоятельствах, имели дело с разными противниками, в том числе и в идеологическом, религиозном плане. Всё это неизбежно наложило отпечаток на то, как мыслили стратеги и политики обеих стран, к каким сценариям и инструментам реализации своих интересов прибегали. В китайской стратегической традиции существует, по крайней мере, существовал до недавних пор, акцент на стратегическом обмане, манипулировании представлениями противника о реальности. Этот фактор присутствует в разной степени в разных типах стратегического мышления, включая западное и российское. Однако в китайской стратегической культуре он порой был акцентирован до такой степени, что складывалось впечатление: искусство войны по-китайски – это скорее обман и манипулирование врагом, нежели анализ возможностей преодоления конкретных военных ресурсов противника в данное время в данной ситуации.

В силу этих особенностей обеих стратегических культур, их индивидуальности, всякая интеллектуальная работа по преодолению этих мировоззренческих стереотипов, несомненно, полезна и в узком смысле слова – в плане двусторонних китайско-американских отношений, и в широком – с точки зрения поддержания международного мира.

Список литературы

1. Big Bets and Black Swans 2013. Policy Recommendations for President Obama's Second Term by the Foreign Policy Scholars at Brookings, January 2013. Available at: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2013/1/big%20bets%20black%20swans/big%20bets%20and%20black%20swans%20a%20presidential>.
2. Big Bets and Black Swans 2014. Policy Recommendations for President Obama in 2014. Available at: http://www.brookings.edu/~media/programs/foreign%20policy/bbbs/bigbets_blackswans_2014.pdf.
3. China-U.S. Cooperation: Key to the Global Future. Chinese Institute of the International Studies, CIIS, 13/01.2014. Available at: http://www.ciis.org.cn/english/2014-01/13/content_6606656.htm.
4. Escobar P. B-52s Sing 'Pivot to Asia' Song. Available at: <http://rt.com/op-edge/b52-usa-china-conflict-441/>.
5. Lieberthal K. and Wang Jisi. Addressing US-China Strategic Distrust. Brookings Institution, March 2012. Available at: http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2012/3/30%20us%20china%20lieberthal/0330_china_lieberthal.pdf.
6. 中美战略互疑：解析与应对 王缉思 李侃如. Available at: http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2012/3/30%20us%20china%20lieberthal/0330_china_lieberthal_chinese.pdf.
7. 后危机世界与中美战略竞逐 孙哲 编. Strategic Readjustment of US – China Relations in the Post-Crisis World. 北京 时事出版社 2011.
8. 王缉思 国际政治的理性思考 Rational Reflections on International Politics 北京大学出版社, 2006.
9. 实力与威胁：美国国防战略界评估中国 张曙光,周建明著. Strength and Threats: Assessment of U.S. Defense Strategy Sector in China. 中国财政经济出版社 北京 2013.
10. 变化中的世界与中国因素. Changing World and China Factors: International Relations 时事出版社, 2010.
11. 中国这边，美国那边 袁岳，[美]方大为 著. Chinese Side. The U.S. Side-81 Discussions Perspective of Sino-US Differences (Chinese Edition). 中华工商联合出版社 2014.
12. 冷战后的美国对华政策 陶文钊 著. U.S. China Policy After the Cold War. 重庆出版社, 2012.
13. 美国的国防转型及其对中国的影响 周建明著. U.S. Defense Transformation and Its Impact on China. 山东人民出版社, 2013.

U.S. – China «New Model of Relations»: Academic Perspectives

(USA ❖ Canada, 2015, No.12, p.37–52)

Received 31.10.2014.

TRUSH Sergey Michaylovich, Institute of the USA and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISCRAN). 2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation.

The U.S. and China experts are focused on the «new model» of relations. The summits between U.S. and China are proposed to take place 4 times a year. The format of the Strategic and Economic dialogue talks have to be reshaped. The treaty on the mutual investments should be signed. American experts suggest that U.S. should adhere to the strict principles, to avoid its involvement in the territorial disputes of China in the Asia-Pacific. Chinese government is obviously orienting Chinese political science for positive assessment of the U.S. – China future.

Keywords: *The U.S. – China relations, «new model of relations», strategic distrust, investments in China and U.S., territorial conflicts in the Asia-Pacific, military to military relations.*

About the author:

TRUSH Sergey Michaylovich – Candidate Sci. (History), leading analyst.